Городская научно-практическая конференция учреждений дополнительного образования детей «Новое поколение»

Музыкальная культура бедных слоев населения дореволюционной Самары.

Выполнил:
Александров Артем,
ученик 5 класса
МОУ ДОД ДШИ №8 «Радуга»
Кировского района

Научный руководитель:
Романова Татьяна Ивановна
педагог дополнительного
образования
МОУ ДОД ДШИ №8 «Радуга»

Самара, 2012

Оглавление:

Введение 3

1. Музыкальная бытовая культура и развлечения населения дореволюционной Самары. 4
2. «Горчичники» как социальная группа Самары. 6
3. Музыка «горчичников». 9

Заключение 11

Источники и литература 12

Приложения

Приложение №1 Иллюстрации 13

Введение

Актуальность. В настоящее время благодаря открытости общества появилось много субкультур, и понять их проще с позиции истории. Одной из самых интересных и малоизученных субкультур дореволюционной и первых советских лет Самары являются «горчичники».

Объект исследования – бытокультура бедных слоев населения Самары**, предмет –** музыка «горчичников».

Для решения этих проблем поставлена **цель исследования** – изучить музыку низших слоев населения Самары. Для достижения цели был решен ряд задач:

1. исследование музыкальной бытокультуры и развлечений населения дореволюционной Самары;
2. рассмотрение «горчичников» как социальной группы Самары;
3. изучение музыки «горчичников».

Литература взята автором из нескольких групп: местные исторические очерки [1-3], видеоматериалы [4].

В работу вошли введение, 3 части, заключение и приложение.

1.Музыкальная бытовая культура и развлечения населения дореволюционной Самары.

Самарское население умело работать, умело отдыхать, и каждый находил хобби и развлечения по своему вкусу.

Музыкальная жизнь Самары XIX века представляла собой довольно пеструю картину. Дворяне стремились к салонной (классической) музыке. Купечество предпочитало цыганские ансамбли и бытовые романсы. Молодежь собиралась на вечеринки, любила петь песни под звуки гармоники. В церквях звучала хоровая духовная музыка.

Когда на улице Саратовской (совр. Фрунзе) и Льва Толстого построили театр-цирк «Олимпъ», о чем писала местная пресса в 1916 году, в его репертуаре были кабаре и канкан [1].

В начале мая во время самой высокой воды самарцы любили отправляться на небольших яликах в Жигулевскую кругосветку, обычно с гармошками или семиструнными гитарами.

На углу Дворянской (совр. Куйбышева) и Алексеевской (совр. Красноармейской) улиц на земле Ф.О. Неймана был построен велодром. Зимой на этом месте заливали каток, где катались на коньках под духовой оркестр.

В начале XX века с приходом техники самарцы выносили в свои дворы патефоны и слушали пластинки. Через газету «Голос Самары» акционерное общество братьев Пате из Москвы давало объявление о поставке как патефонов, так и пластинок. В репертуаре на январь 1912 года были записи Собинова, Неждановой, Давыдова, Михайлова, Каринской, Комаровой, Дулькевич, Вяльцевой, Плецкой и других.

Пластинки и патефоны также можно было купить в музыкальном магазине Г.Ф. Бема на улице Дворянской, 93 (совр. Куйбышева, 85).

Любители живой музыки могли побывать в гостях у настоящих цыган. Их табор с ранней весны до поздней осени располагался у Малоканского

озера (между совр. ул. Больничная, Осипенко, Первомайская, Ново-Садовая). Всю ночь там пылали костры, звучала гитара, смех, шутки.

С начала XX века в культурную жизнь города ворвался синематограф. Самарцы не пропускали ни одного нового фильма. Реклама пестрела от названия фильмов. В Самаре действовало 17 кинотеатров. Все немые фильмы сопровождали таперы [2].

Вывод: Музыкальная жизнь дореволюционной Самары представляла собой пеструю картину. У каждой социальной группы была своя музыкальная субкультура, и только понимание всего многообразия этих субкультур создает понимание всей культуры дореволюционной Самары.

2. «Горчичники» как социальная группа Самары.

Самарские «горчичники» были известны всей дореволюционной России. Это слово звучало на улицах Самары в конце XIX века. В свое время самарские посадские люди, пришедшие в город из деревень на заработки без образования и каких-либо трудовых навыков, разводили стручковый перец. Из него делали горчицу. Она вывозилась во многие города, а самарцы получили прозвище «горчичников». Впоследствии «горчичниками» или просто «горчицей», стали называть, как сейчас говорят, неформальную группу молодежи - удалых, задиристых людей из беднейшего сословия, которые бесчинствовали по темным дворам и подворотням. Ходили они стайкой, повсюду демонстрировали свою силу. Каждая группа имела своего вожака, атамана. В критических ситуациях во время драки или при появлении полицейских горчичники с криком: «Атас!» бросали в лицо неприятеля пакет с горчичным порошком. Используя замешательство, ватага мгновенно растворялась в самарских проходных дворах [1,4].

Самарский купец К.П. Головкин, неоднократно встречавшийся с «горчичниками», писал, что одевались они в черный костюм, короткий пиджак (иногда жилет), брюки или штаны, вышитую или ярко цветную на выпуск рубаху (подпоясанную шнуровым поясом непременно с кистями, видными из-под пиджака). На голове - картуз одетый небрежно, лихо, далеко назад. Он не захватывает густой, спускающийся низко на лоб, клок волос – челку. Картуз изменялся благодаря моде: то с широким блинообразным верхом, то совершенно почти прямой. За голенищем лакированного сапога - нож или гирька на проволоке. Лицо - красноватое, грубое, совершенно не интеллигентное. Походка - качающаяся с боку на бок, задевающая прохожих [3].

Любимым местом сбора «горчичников» были самарские подворотни. Жили они на окраине Самары, за Панской (ныне Ленинградской) улицей. Этот район и поныне носит неофициальное название Запанской. В числе их заклятых врагов были конкуренты – щепновские «горчичники», жившие в

районе нынешнего элеватора и не желавшие делить свое влияние на город. Позднее появилась группа «низовских», которая контролировала территорию современного Самарского района, между улицей Льва Толстого и рекой Самарой.

Каждая подворотня стремилась одержать физическую победу над соседней. Это называлось «держать шишку». А каждая улица старалась «держать шишку» в своем районе. Во время боев «горчичников» обывателю казалось, что весь город принадлежит хулиганам [4].

Устроиться на хорошую работу они не могли. Если хозяин какой-нибудь мастерской брал их подмастерьем, то безжалостно эксплуатировал, а потом выгонял, не выплатив денег. Если самарские ребята устраивались агентами в знаменитую фирму «Зингер» по продаже швейных машин, то вынуждены были по 10-12 часов бегать по всему городу в поисках покупателя, а затем часами ждать расчета в темной сырой комнате. Причем, они не имели права присесть в течение рабочего дня. Если «горчичник» нанимался официантом, ему платили всего 6 рублей в месяц, а рядом купцы за вечер спускали по 600 целковых.

Натерпевшись, наглотавшись социальной несправедливости, «горчичники» стаями врывались в респектабельные районы. Газеты пестрели заголовками о происшествиях. Ряд имен остался в народной памяти: знаменитый Кузя, Мамоша. Известен случай, когда «горчичники» заставили заседать городскую думу: на Казанской (совр. Алексея Тостого) улице лежало огромное бревно, каждую ночь хулиганы клали его поперек дороги. Извозчики проехать не могли, начинался скандал. Отцы города стали думать, что делать. Наконец, городской голова выделил деньги, и рабочие распилили бревно.

«Горчичники» гордились своим прозвищем, которое к началу XX века стало местной колоритной достопримечательностью Самары. Не случайно местные журналисты даже издавали сатирическую газету «Самарскій горчишникъ», где описывали различные курьезы, необычные случаи из

жизни купцов, промышленников и даже городской думы. Газета строилась так, как будто в читателя летела горчичная пыль – чихайте на здоровье.

Традиции самарских «горчичников» продолжили куйбышевские фураги [1].

Вывод: Эта социальная группа в дореволюционной Самаре была значительной, хотела выделиться, выразить свой социальный протест, оставила свой след не только в истории, но и в музыкальной культуре города.

3. Музыка «горчичников»

Но «горчичники» были известны не только своими выходками. Они оставили нам в наследство широту своей волжской души, угаровские припевки с переборами – наигрышем на гармони. Припевки обычно исполнялись под саратовскую гармонь. У них характерная средневолжская музыкальная интонация – игривая, плавающая, скачкообразная, как у волжской волны. Именно в такой манере исполнял свои припевки талантливый волжский гармонист Михаил Угаров.

По вечерам с окраин города раздавалась гармонь, и хулиганистые самарские парни пели: «Разлука ты разлука – чужая сторона», «Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой - не ел он ни рыбы, ни мяса, ходил по России босой…», «Шире улица раздайся, шайка ухарей идет, атаман в гармонь играет, шайка ухарей поет». Горланя «Шумел камыш», горчичники направлялись к центру города в поисках приключений. У них был даже свой гимн. В самарских дворах на Николаевской (совр. Чапаевской) пели: «Я в детстве был горчишник, носил я брюки клеш, соломенную шляпу, в кармане - финский нож» [1].

По воспоминаниям самарского старожила, журналиста В.С. Мирного, члена Союза журналистов РФ, который присутствовал на сборах горчичников, чаще всего они исполняли частушки и угаровские припевки. После каждой припевки наступала музыкальная пауза для перепляса:

«Дом большой с зеленой крышей,

Здесь живет Угаров Миша…

Дом большой с зеленой крышей,

Здесь живут друзья-горчиши»

До наших дней дошли щегольские переборы, близкие Угарову Мише. Музыку горчичников исполняет артель «Самара-городок». По воспоминаниям А.А. Когута, солиста артели, гармонисты-самоучки (такие как дядя Федя), игравшие в знаменитой самарской пивной, донесли до

нашего времени переборы, исполняя их на саратовской гармошке: «Гармонь нова, сторублева, пропоем, ребята, снова» [4].

Вывод: Частушки, припевки с приплясами остались нам в воспоминание об ушедших в прошлое самарских горчичниках. В них выражается широта волжской души и искрометный юмор, вулканический темперамент и лукавая скоморошина. Они внесли в нашу жизнь своеобразие и самобытное исполнение, чего нет в других городах России.

Заключение

Т.о., исследуя музыкальную культуру бедных слоев населения дореволюционной Самары, мы пришли к выводам:

- у каждой социальной группы в городе была своя музыкальная субкультура, и только понимание всего многообразия этих субкультур создает понимание всей культуры дореволюционной Самары;

-«горчичники» - группа неформальной молодежи со своей субкультурой, выражавшая свой социальный протест, оставила свой след в развитии музыкальной культуры дореволюционной Самары;

- своими частушками, припевками с приплясами, сохранившимися до наших дней, которые выражали широту волжской души, искрометный юмор, вулканический темперамент и лукавую скоморошину, они внесли в нашу жизнь своеобразие и самобытное исполнение, чего нет в других городах России.

Источники и литература:

Источники:

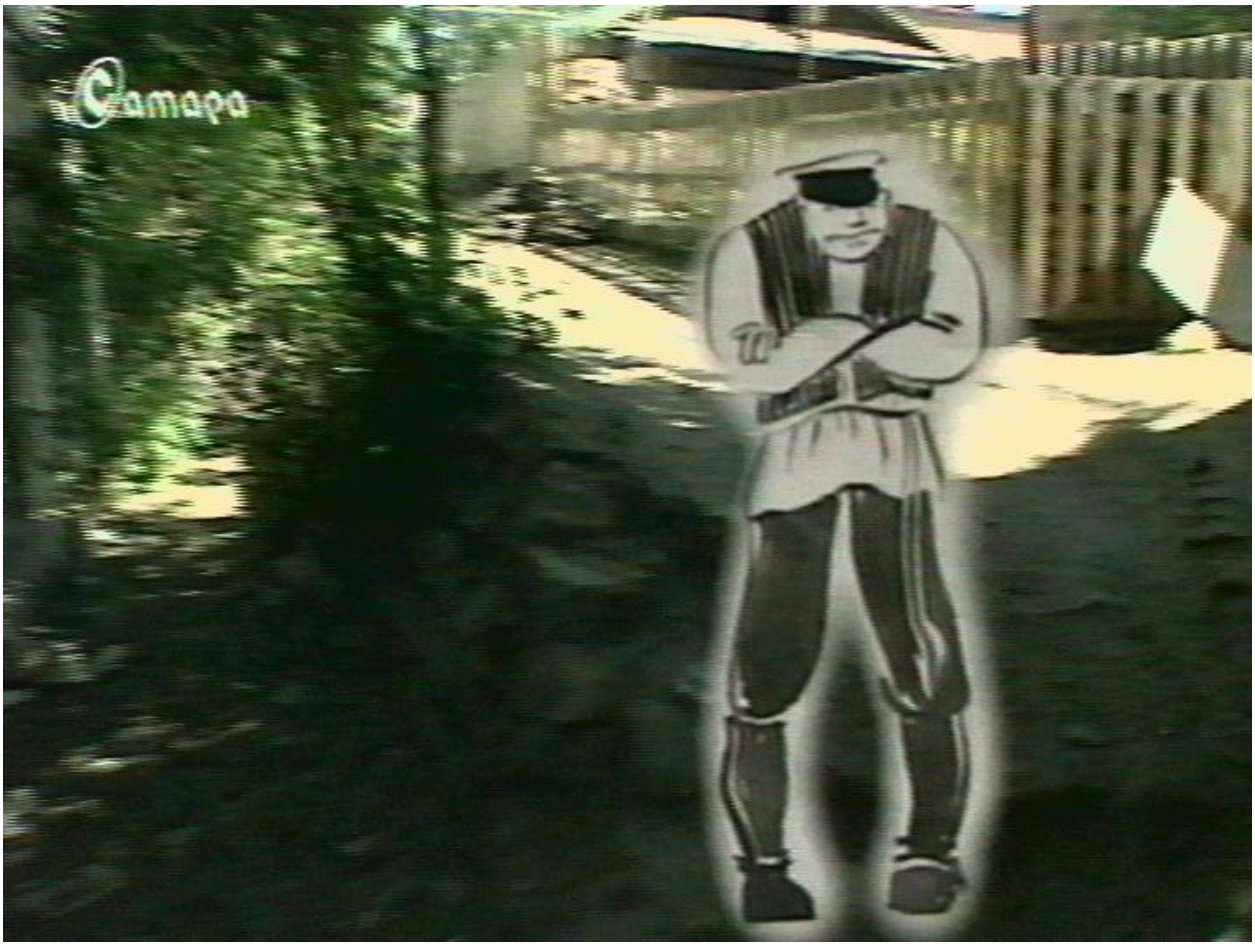
1. *Демидов А*., Демидова И. Мелодии старой Самары. – Самара, 1992.
2. *Демидов А., Демидова И. Цветочки и ягодки, Хобби по*-самарски – Самара, 1992.
3. *Завальный А.Н. Анекдоты* – Самара
4. *Видеофильм «Их называли «горчичники», ГТРК «Самара», 1998.*

Приложение №1.Иллюстрации

Camapa

Camapa

Camapa


Camapa

Тезисы

Актуальность. В настоящее время благодаря открытости общества появилось много субкультур, и понять их проще с позиции истории. Одной из самых интересных и малоизученных субкультур дореволюционной и первых советских лет Самары являются «горчичники».

Объект исследования – бытокультура бедных слоев населения Самары**, предмет –** музыка «горчичников».

Для решения этих проблем поставлена **цель исследования** – изучить музыку низших слоев населения Самары. Для достижения цели был решен ряд задач:

1. исследование музыкальной бытокультуры и развлечений населения дореволюционной Самары;
2. рассмотрение «горчичников» как социальной группы Самары;
3 .изучение музыки «горчичников».

Литература взята автором из нескольких групп: местные исторические очерки [1-3], видеоматериалы [4].

В работу вошли введение, 3 части, заключение и приложение.

Самарские «горчичники» были известны всей дореволюционной России. Это слово звучало на улицах Самары в конце XIX века. В свое время самарские посадские люди, пришедшие в город из деревень на заработки без образования и каких-либо трудовых навыков, разводили стручковый перец. Из него делали горчицу. Она вывозилась во многие города, а самарцы получили прозвище «горчичников». Впоследствии «горчичниками» или просто «горчицей», стали называть, как сейчас говорят, неформальную группу молодежи - удалых, задиристых людей из беднейшего сословия, которые бесчинствовали по темным дворам и подворотням. Ходили они стайкой, повсюду демонстрировали свою силу. Каждая группа имела своего вожака, атамана. В критических ситуациях во время драки или при

появлении полицейских горчичники с криком: «Атас!» бросали в лицо неприятеля пакет с горчичным порошком. Используя замешательство, ватага мгновенно растворялась в самарских проходных дворах [1,4].

Самарский купец К.П. Головкин, неоднократно встречавшийся с «горчичниками», писал, что одевались они в черный костюм, короткий пиджак (иногда жилет), брюки или штаны, вышитую или ярко цветную на выпуск рубаху (подпоясанную шнуровым поясом непременно с кистями, видными из-под пиджака). На голове - картуз одетый небрежно, лихо, далеко назад. Он не захватывает густой, спускающийся низко на лоб, клок волос – челку. Картуз изменялся благодаря моде: то с широким блинообразным верхом, то совершенно почти прямой. За голенищем лакированного сапога - нож или гирька на проволоке. Лицо - красноватое, грубое, совершенно не интеллигентное. Походка - качающаяся с боку на бок, задевающая прохожих [3].

Любимым местом сбора «горчичников» были самарские подворотни. Жили они на окраине Самары, за Панской (ныне Ленинградской) улицей. Этот район и поныне носит неофициальное название Запанской. В числе их заклятых врагов были конкуренты – щепновские «горчичники», жившие в районе нынешнего элеватора и не желавшие делить свое влияние на город. Позднее появилась группа «низовских», которая контролировала территорию современного Самарского района, между улицей Льва Толстого и рекой Самарой.

Каждая подворотня стремилась одержать физическую победу над соседней. Это называлось «держать шишку». А каждая улица старалась «держать шишку» в своем районе. Во время боев «горчичников» обывателю казалось, что весь город принадлежит хулиганам [4].

Устроиться на хорошую работу они не могли. Если хозяин какой-нибудь мастерской брал их подмастерьем, то безжалостно эксплуатировал, а потом выгонял, не выплатив денег. Если самарские ребята устраивались агентами в знаменитую фирму «Зингер» по продаже швейных машин, то

вынуждены были по 10-12 часов бегать по всему городу в поисках покупателя, а затем часами ждать расчета в темной сырой комнате. Причем, они не имели права присесть в течение рабочего дня. Если «горчичник» нанимался официантом, ему платили всего 6 рублей в месяц, а рядом купцы за вечер спускали по 600 целковых.

Натерпевшись, наглотавшись социальной несправедливости, «горчичники» стаями врывались в респектабельные районы. Газеты пестрели заголовками о происшествиях. Ряд имен остался в народной памяти: знаменитый Кузя, Мамоша. Известен случай, когда «горчичники» заставили заседать городскую думу: на Казанской (совр. Алексея Тостого) улице лежало огромное бревно, каждую ночь хулиганы клали его поперек дороги. Извозчики проехать не могли, начинался скандал. Отцы города стали думать, что делать. Наконец, городской голова выделил деньги, и рабочие распилили бревно.

«Горчичники» гордились своим прозвищем, которое к началу XX века стало местной колоритной достопримечательностью Самары. Не случайно местные журналисты даже издавали сатирическую газету «Самарскій горчишникъ», где описывали различные курьезы, необычные случаи из жизни купцов, промышленников и даже городской думы. Газета строилась так, как будто в читателя летела горчичная пыль – чихайте на здоровье.

Традиции самарских «горчичников» продолжили куйбышевские фураги [1].

Но «горчичники» были известны не только своими выходками. Они оставили нам в наследство широту своей волжской души, угаровские припевки с переборами – наигрышем на гармони. Припевки обычно исполнялись под саратовскую гармонь. У них характерная средневолжская музыкальная интонация – игривая, плавающая, скачкообразная, как у волжской волны. Именно в такой манере исполнял свои припевки талантливый волжский гармонист Михаил Угаров.

По вечерам с окраин города раздавалась гармонь, и хулиганистые самарские парни пели: «Разлука ты разлука – чужая сторона», «Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой - не ел он ни рыбы, ни мяса, ходил по России босой…», «Шире улица раздайся, шайка ухарей идет, атаман в гармонь играет, шайка ухарей поет». Горланя «Шумел камыш», горчичники направлялись к центру города в поисках приключений. У них был даже свой гимн. В самарских дворах на Николаевской (совр. Чапаевской) пели: «Я в детстве был горчишник, носил я брюки клеш, соломенную шляпу, в кармане - финский нож» [1].

По воспоминаниям самарского старожила, журналиста В.С. Мирного, который присутствовал на сборах горчичников, чаще всего они исполняли частушки и угаровские припевки. После каждой припевки наступала музыкальная пауза для перепляса:

«Дом большой с зеленой крышей,

Здесь живет Угаров Миша…

Дом большой с зеленой крышей,

Здесь живут друзья-горчиши»

До наших дней дошли щегольские переборы, близкие Угарову Мише. Музыку горчичников исполняет артель «Самара-городок». По воспоминаниям А.А. Когута, солиста артели, гармонисты-самоучки (такие как дядя Федя), игравшие в знаменитой самарской пивной, донесли до нашего времени переборы, исполняя их на саратовской гармошке: «Гармонь нова, сторублева, пропоем, ребята, снова»[4].

Т.о., исследуя музыкальную культуру бедных слоев населения дореволюционной Самары, мы пришли к выводам, что у каждой социальной группы в городе была своя музыкальная субкультура, и только понимание всего многообразия этих субкультур создает понимание всей культуры дореволюционной Самары. «Горчичники» - группа неформальной молодежи со своей субкультурой, выражавшая свой социальный протест, оставила свой след в развитии музыкальной культуры дореволюционной Самары.

Своими частушками, припевками с приплясами, сохранившимися до наших дней, которые выражали широту волжской души, искрометный юмор, вулканический темперамент и лукавую скоморошину, они внесли в нашу жизнь своеобразие и самобытное исполнение, чего нет в других городах России.